

A close-up photograph of a fountain pen in a glass inkwell, with a wax seal on a piece of parchment. The scene is set on a wooden surface. The text is overlaid on the right side of the image.

**Аркадий
Дерзиченко.
творчество.**

**Шутка
Мецената.**

1881-1925

Русский писатель-юморист, драматург, театральный критик
Родился 15 марта (27 н.с.) в Севастополе в семье купца. Получил домашнее воспитание, так как из-за плохого зрения и слабого здоровья не мог учиться в гимназии. Очень много и без разбора читал.

В пятнадцать лет поступил на работу младшим писцом в транспортную контору. Через год уехал из Севастополя и стал работать конторщиком на Брянском угольном руднике, где прослужил три года. В 1900 переехал в Харьков. Остроумный счетовод, с 1897 г. корпевший над бумагами рудничных контор Донбасса, Аверченко решил однажды попробовать себя в сочинительстве. Первые рассказы (1903—1904 гг.) имели успех «местного значения», благодаря чему в 1905 г. он решил применить свои способности в мире прессы. Проба сил в харьковских изданиях показала, что у него это получается лучше, чем бесконечные арифметические расчёты. Служба в конторе была оставлена; в канун 1908 г. Аверченко отправился

С.-Петербургъ.
Невскій Проспектъ.

**Он стал редактором
нового журнала
«Сатирикон»,
объединившего лучших
сатириков и юмористов.
Рассказы, фельетоны,
обозрения, миниатюры,
подписанные либо
собственным именем,
либо псевдонимом вроде
Фомы Опискина или Ауге,
появлялись практически в
каждом номере. Стиль
Аверченко сравнивали со
стилем молодого А. П.
Чехова, а ещё чаще — М.
Твена и О. Генри. Были у**

За длинным столом, покрытым синим сукном, сидело пятеро. Посредине любезный старик с белой бородой, в справа от него торжественный, свеженакрахмеленный Бельмесов. Ипат Демьяныч. Я вскользь ошметрал остальных и скромно уселся сбоку на стул.

Солнце бежало золотыми зайчиками по столу, по потолку и по круглым, стриженным головам учеников. В открытое окно заглядывали темно-зеленые ветки старых деревьев и приветливо, ободрительно кивали детям: «Ничего, мол. Все на свете перемелется — мука будет. Бодритесь, детки!»

— Кувшинников, Иван, — сказал Бельмесов. — А подойди к нам сюда, Иван Кувшинников... Вот так. Сколько будет пятью шесть, Кувшинников, а?

— Тридцать.

— Правильно, молодец. Ну, а сколько будет, если помножить пять деревьев на шесть лошадей?

Мучительная складка перерезала загорелый лоб Кувшинникова Ивана.

— Пять деревьев на шесть лошадей? Тоже тридцать.

— Правильно. Но тридцать — чего?

Молчал Кувшинников.

— Ну, чего же — тридцать? Тридцать деревьев или тридцать лошадей?

**Бритва в
киселе.**

«Сумасшедшая какая-то, – вздыхает Додя. – Хочу, чтоб сардинки были мои...»

Марина Кондратьевна, та самая, у которой камни в печени, берет на кончик ножа микроскопический кусочек икры.

«Ишь ты, – думает Додя. – Наверное, боится побольше-то взять: мама так по рукам и хлопнет за это. Или просто задается, что камни в печени. Рохла».

Подают знаменитые долгожданные блины.

Все со зверским выражением лица набрасываются на них. Набрасывается и Додя. Но тотчас же опускает голову в тарелку и, купая локон темных волос в жидком масле, горько плачет.

– Додик, милый, что ты? Кто тебя обидел?..

– Бли... ны...

– Ну? Что блины? Чем они тебе не нравятся?

– Такие... круглые...

– Господи... Так что же из этого? Обрежу тебе их по краям – будет четырехугольные...

– И со сметаной...

– Так можно без сметаны, чудачина ты!

– Так они тестяные!

– А ты какие бы хотел? Бумажные, что ли?

– И... не сладкие.

– Хочешь, я тебе сахаром посыплю?

Тихий плач переходит в рыдание. Как они не хотят понять, эти тупоголовые дураки, что Додя блины просто не нравятся, что Додя разочаровался в блинах, как разочаровывается взрослый человек в жизни! И никаким сахаром его не успокоить. Плачет Додя.

Боже! Как это всё красиво, чудесно началось – всё, начиная от опары и вкусного блинного чада, – и как всё это пошло, обыденно кончилось: Додю выслали из-за стола.

Гости разошлись.

Измученный слезами, Додя прикорнул на маленьком диванчике. Отыскав его, мать берет на руки отяжелевшее от дремоты тельце и ласково шепчет:

– Ну ты... блиноед африканский... Наплакался?

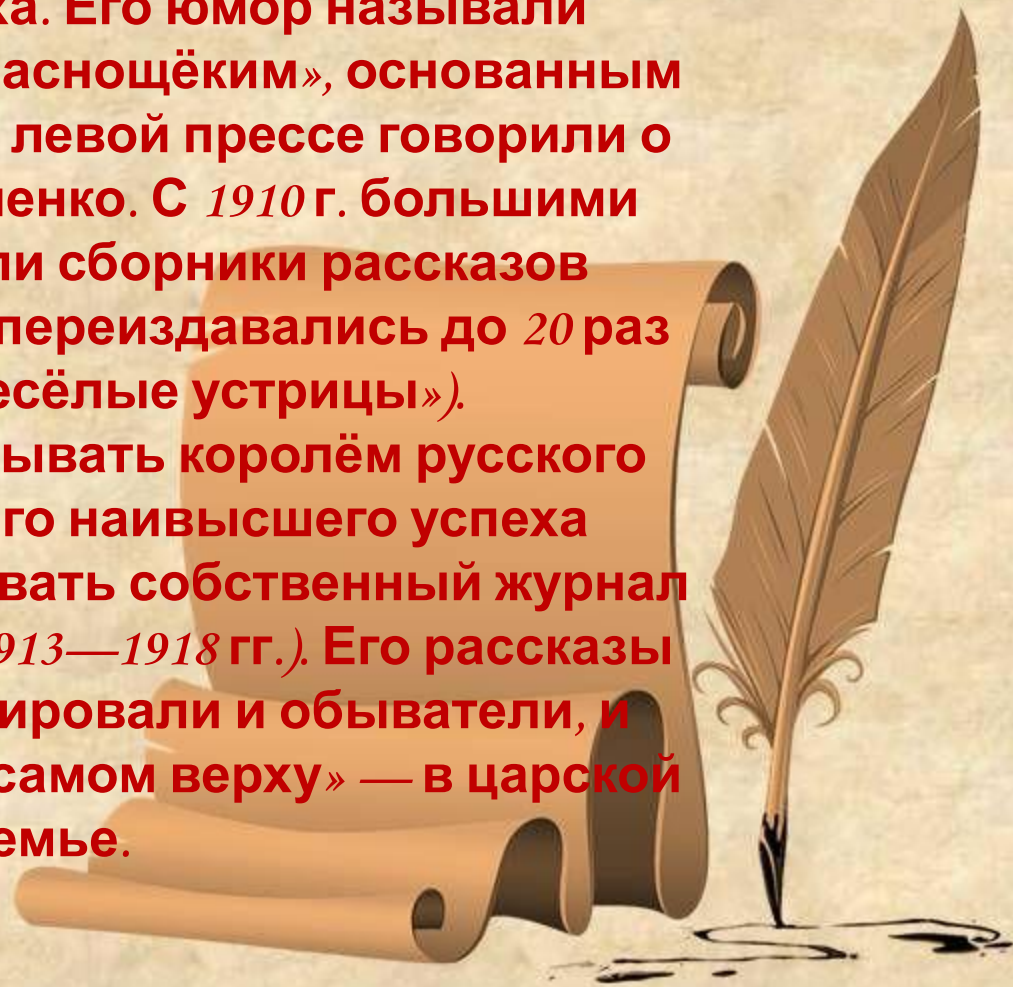
Смышлённые дети.

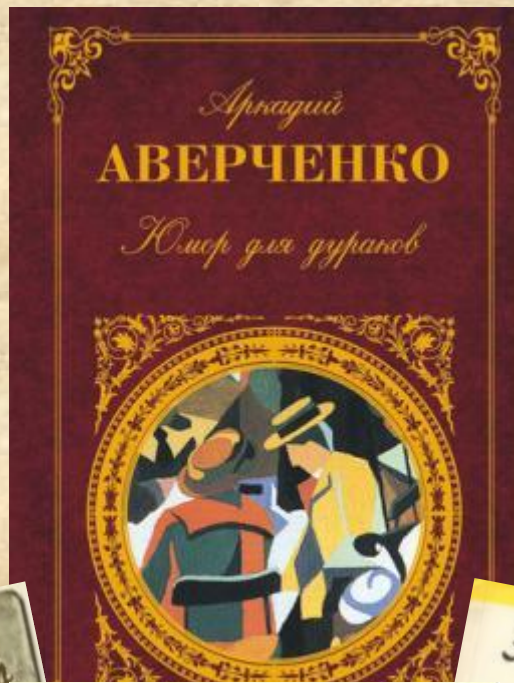
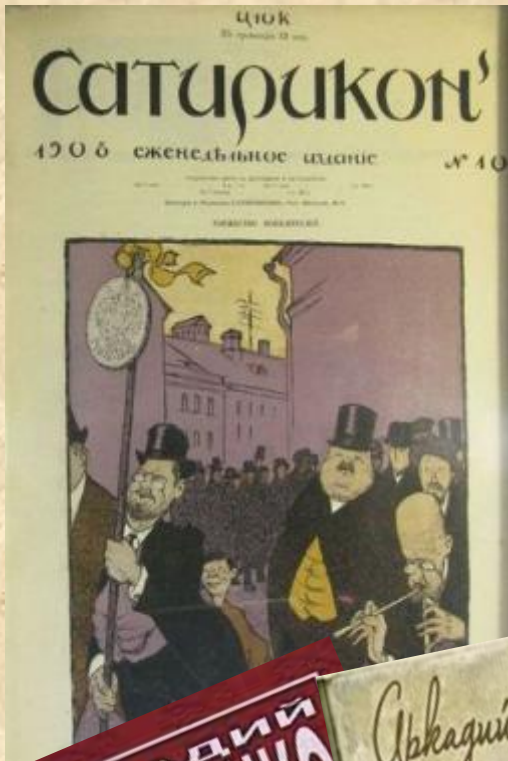

Грабитель.

«Тёща и октябрист, телефон и Государственная дума, трамвай и зубная боль, граммофон и усиленная охрана, праздничные визиты и смертная казнь» — всё могло стать у Аверченко мишенью для смеха. Его юмор называли «оздоровляющим», «краснощёким», основанным на здравом смысле. В левой прессе говорили о «сытом смехе» Аверченко. С 1910 г. большими тиражами выходили сборники рассказов писателя. Некоторые переиздавались до 20 раз (например, «Весёлые устрицы»).

С 1912 г. его стали называть королём русского смеха. В годы своего наивысшего успеха Аверченко начал издавать собственный журнал «Новый Сатирикон» (1913—1918 гг.). Его рассказы читали, любили, цитировали и обыватели, и депутаты Думы, и «на самом верху» — в царской семье.

Февраль 1917 г. с провозглашением свобод и отменой цензуры Аверченко принял с восторгом. Октябрьскую же революцию писатель сравнил с эпидемией чумы. Петербург он покинул осенью 1918 г. под угрозой ареста. В годы Гражданской войны король русского смеха — на стороне Белого движения. Он сотрудничал в газетах «Юг» и «Юг России». Злые памфлеты, позже составившие сатирический сборник «Дюжина ножей в спину революции», даже вызвали специальный отклик В. И. Ленина, признавшего большой талант автора.

В конце октября 1920 г., во время бегства войск П. Врангеля,

Аверченко покинул Крым

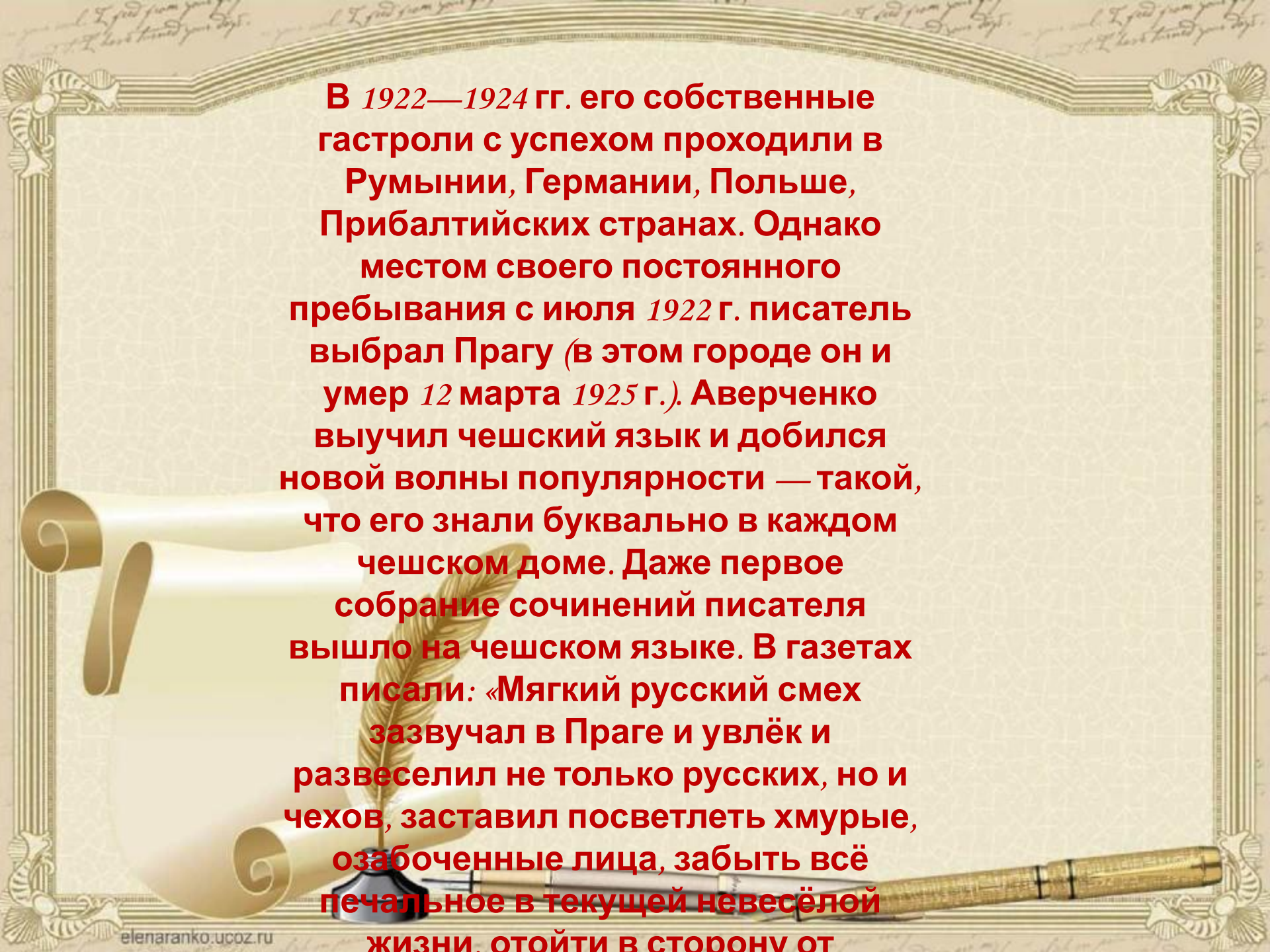

АРКАДИЙ
ТИМОФЕЕВИЧ
АВЕРЧЕНКО

ДЮЖИНА
НОЖЕЙ В СПИНУ
РЕВОЛЮЦИИ

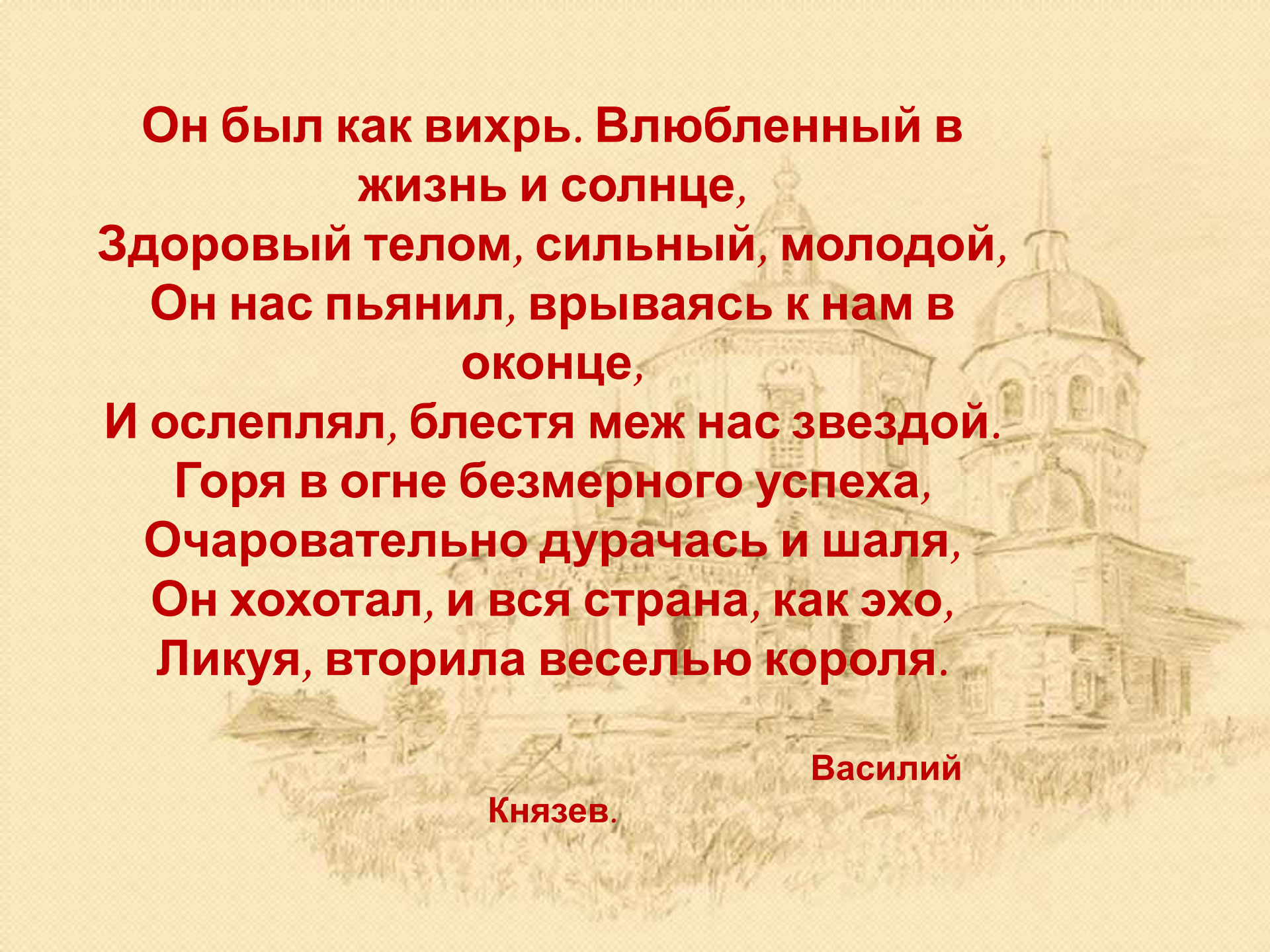
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СПЕКТР»

The background features a decorative border with ornate corner pieces. In the lower-left corner, there is a rolled-up scroll. In the lower-center, a quill pen is positioned in a dark inkwell. In the lower-right corner, a fountain pen lies horizontally. The text is centered and written in a bold, red, sans-serif font.

В 1922—1924 гг. его собственные гастроли с успехом проходили в Румынии, Германии, Польше, Прибалтийских странах. Однако местом своего постоянного пребывания с июля 1922 г. писатель выбрал Прагу (в этом городе он и умер 12 марта 1925 г.). Аверченко выучил чешский язык и добился новой волны популярности — такой, что его знали буквально в каждом чешском доме. Даже первое собрание сочинений писателя вышло на чешском языке. В газетах писали: «Мягкий русский смех зазвучал в Праге и увлёл и развеселил не только русских, но и чехов, заставил посветлеть хмурые, озабоченные лица, забыть всё печальное в текущей невесёлой жизни. ОТОЙТИ В СТОРОНУ ОТ

PRAHA. - Karlův most.

**Он был как вихрь. Влюбленный в
жизнь и солнце,
Здоровый телом, сильный, молодой,
Он нас пьянил, врываясь к нам в
оконце,
И ослеплял, блестя меж нас звездой.
Горя в огне безмерного успеха,
Очаровательно дурачась и шая,
Он хохотал, и вся страна, как эхо,
Ликуя, вторила веселью короля.**

**Василий
Князев.**

